

ДИЛЕММА «МУДРАЯ ТРУСОСТЬ ИЛИ БЕЗУМНЫЙ ГЕРОИЗМ» В СТИХОТВОРЕНИИ И. БУНИНА «МУДРЫМ»: ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ

© 2012 Мамалиев Г.Н.

Дагестанский государственный институт народного хозяйства

В статье предпринята попытка комплексного анализа стихотворения И. Бунина «Мудрым». Автор показывает, как на различных уровнях художественного текста представлены ключевые качества и состояния субъектов стихотворения: стремительность поступков и цельность характера героя, рассудочная осторожность и мстительность труса.

The author of the article attempts to make a comprehensive analysis of "To wise men" poem by I. Bunin ". He shows the ways of representing the key qualities and states of the poem subjects at different levels of the artistic text: the rapidity of actions and whole-heartedness of a hero's character rational caution and a coward's vindictiveness.

Ключевые слова: герой, трус, медлительность, стремительность, сильная позиция, сравнительный оборот, комплексный анализ.

Keywords: hero, coward, sluggishness, impetuosity, strong position, comparative, comprehensive analysis.

Героизм и храбрость, при всей своей кажущейся однозначности, – категории довольно неопределенные, особенно при рациональном, точнее философском осмыслении. Что есть героизм: бездумное самопожертвование («При трезвом расчете человек не стал бы жертвовать собой, так как это не в его интересах» – мнение одного из персонажей фильма американского режиссера Стивена Фрирза «Герой» (1992 г.)) или же осознанный тяжелый акт самопреодоления («Божеством быть легче, чем героем» [7. С. 285])? Предполагает ли храбрость мудрую осторожность, как считают персонажи рассказа Л. Н. Толстого «Набег. Рассказ волонтера» капитан Хлопов и рассказчик-волонтер («– Храбрый? храбрый? – повторил капитан...: – храбрый тот, который ведет себя как следует, – сказал он, подумав немного.

...Я подумал, что ... если бы он мог выражаться так же, как Платон, он, верно, сказал бы, что храбр тот, кто

боится только того, чего следует бояться, а не того, чего не нужно бояться» [6: 57]), или же правы Аристотель, называвший в «Никомаховой этике» отвагу «безумной», имам Шамиль, высекавший на своих медалях надпись «Выходя на тропу войны, герой тот, кто не думает о последствиях», и М. Горький, восклицавший: «Безумству храбрых поем мы славу!»?

Данная проблема многократно поднималась и в художественной литературе. На материале небольшого стихотворения И. Бунина «Мудрым» мы попытаемся проанализировать бунинскую концепцию героизма и трусости, ответить на поставленный автором в стихотворении вопрос: кто мудрее: безоглядно бросающийся в битву герой или же продумывающий стратегию сражения трус. Данная задача решается посредством комплексного филологического анализа художественного текста стихотворения.

Мудрым

1. Герой – как вихрь, срывающий палатки,
2. Герой врагу безумный дал отпор,
3. Но сам погиб – сгорел в неравной схватке,
4. Как искрометный метеор.
5. А трус – живет. Он тоже месть лелеет,
6. Он точит меткий дротик, но тайком.
7. О да, он – мудр! Но сердце в нем чуть тлеет:
8. Как огонек под кизяком.

<1903-1906>

Стихотворение написано чередующимися 6-ти (усеченными) и 5-ти стопными ямбами. Во всем тексте лишь два полноударных стиха: *Но сам погиб – сгорел в неравной схватке* (3) и *А трус – живет. Он тоже месть лелеет* (5), которые к тому же противопоставлены в содержательном плане – посредством лексических антонимов (*сам* (герой) *погиб – трус живет*) и противительных союзов *но – а*. Ритмически выделенными являются и стихи *Как искрометный метеор* (4) и *Как огонек под кизяком* (8), завершающие, соответственно, первую и вторую строфу: каждый из них содержит по два пиррихия; они короче остальных стихов на целую стопу (4-стопный ямб) и являют собой сравнительные обороты, в которых ключевые слова, выступающие контекстуальными антонимами, – *метеор* и *кизяк* – находятся в абсолютно сильных позициях – замыкают строфы и стоят под константным (рифменным) ударением. Стихи 4 и 8, таким образом, оказываются трижды маркированными, следовательно, несут особую семантическую нагрузку: передают сущностные характеристики основных субъектов стихотворения. То есть герой – это метеор (в сравнении актуализируются такие качества, как стремительность, яркость, свет, жертвенность), а трус – кизяк (чадит, не дает света, тлеет).

Композиционно стихотворение делится на две части, совпадающие со строфическим членением текста и противопоставленные не только на хронотопическом, но и синтаксическом и интонационном уровнях; противопоставление выражено и

формально – союзом *а*, открывающим вторую часть.

Хронотоп. Первая строфа – это «пространство» героя; в ней изображается разновекторное (горизонтальное и вертикальное) движение, качественной характеристикой которого является стремительность: *вихрь, срывающий палатки, искрометный метеор*. Временная организация характеризуется наличием исключительно глаголов совершенного вида прошедшего времени: *погиб, дал, сгорел*, актуализирующих отмеченный признак динамичности. Итак, хронотоп в первой строфе способствует выявлению цельного, мужественного характера героя, которому не присущи парализующие волю сомнения; действующего мгновенно, в порыве сильных и естественных чувств ненависти к врагу и любви к родной земле.

Вторая строфа – «пространство» труса. Здесь динамика сменяется статикой, активность – выжиданием, выраженным на лексическом уровне (*месть лелеет, точит* – изображение долгого и медленного процесса), либо редуцированным движением (*чуть тлеет, огонек*).

Временная организация второй строфы тоже отличается от первой – она представлена только глаголами настоящего времени несовершенного вида, призванными подчеркнуть в данном тексте рассудочность, медлительность, трусливую осторожность. Таким образом, и во второй строфе посредством хронотопа передается имманентное состояние души субъекта стихотворения, в данном случае труса.

Поэтический синтаксис. В бунинском тексте не только хронотоп, но и особенности поэтического синтаксиса выступают средством раскрытия характеров субъектов.

Первая строфа выражена сложным предложением, части которого соединены между собой сочинительной и бессоюзной связью. Стихи 1 и 2 представляют собой вполне завершенные в смысловом отношении конструкции, однако автор не отделяет

их точками: такая «дробность» не позволила бы подчеркнуть цельность естественного порыва героя, мгновенность и спонтанность его *безумного* и эмоционального поступка.

Вторая строфа разбивается на четыре синтаксические конструкции, отграниченные друг от друга точками, замедляющими вынужденными паузами интонацию. Более того, последнее предложение подвергается и псевдочленению – перед сравнительным оборотом вместо узуальной в таких случаях запятой Бунин ставит двоеточие. Используя прием интонационно-синтаксической ретардации, автор характеризует, таким образом, субъекта второй строфы, а именно: подчеркивает его медлительность, осторожность в принятии решения.

Звуковая организация. Отмеченная особенность характера труса передается и посредством особой звуковой организации – в рифмующихся словах второй строфы повторяются слоги, образованные плавными звуками *л* и *і* – *лелеет, тлеет*. Для сравнения: в первой строфе превалирует резкий звук *р*: по три раза в стихах 1 и 2 и по два раза в 3 и 4. Вместе с фонемами <в> и <г> образуя устойчивый сквозной звуковой комплекс, звук [р] как бы «дрожит» во всей строфе, передавая величайшее напряжение физических и душевных сил героя:

Герой вихрь, срывающий палатки,

Герой врагу безумный дал отпор,

Но сам погиб – сгорел в неравной схватке,

Как искрометный метеор.

Во второй строфе, наоборот, эти звуки представлены гораздо реже: [р] – 4, [з] – 1, [в] – 2 раза.

Частеречный анализ. Первая и вторая строфы стихотворения различаются и по эмоциональной окраске внутреннего мира субъектов, обычно выражаемой прилагательными и наречиями. Героя характеризуют прилагательные *безумный, неравной, искрометный* и причастие *срывающий*. Особо следует остановиться на лексеме *безумный*: в узуальном значении обладая ярко выраженной отрицательной экспрессией, она в ряду слов высокого стиля (*герой, вихрь, сгорел, метеор, искрометный*) приобретает

положительную окраску. Поступок героя является чистым безумием в плане его последствий, но это безумие высокое, бесстрашное и отчаянное, достойное уважения.

Во второй строфе частотность прилагательных почти в два раза ниже – *мудр, меткий*. Прилагательное *мудр* выделено особо: во-первых, оно единственное в данном тексте, дающее прямую оценку (а не опосредованно – через поступки и сравнения, как в первой строфе) и употребленное в краткой форме (т.е. имеющее значение категоричности); во-вторых, напрямую соотносится с заглавием стихотворения; в-третьих, именно после этого прилагательного стоит *единственный* во всем тексте восклицательный знак. Иными словами, мы и здесь наблюдаем отмеченный выше прием тройного выделения определенного элемента текста. Такие, «подтвержденные (умноженные) повторы – не менее чем трехкратные... а также повторы в маркированном положении» обладают «полноценной рецептивной значимостью для воспринимающего сознания» [5. С. 39].

Прежде чем раскрыть эту «рецептивную значимость» эпитета *мудр*, необходимо указать на одну особенность бунинского стихотворения, возводимую им в статус художественного приема. В тексте сначала констатируется обладающий позитивной значимостью определенный факт/явление, но практически сразу вслед за этим – в пределах данной или смежной строки – эта значимость умалется или редуцируется через авторскую иронию или подчеркивание напрасности совершенного действия. В первой строфе этот прием использован в стихе *Герой врагу безумный дал отпор, но сам погиб* – ценность отпора врагу снижается тем, что сам герой погибает, а враг еще живет (*неравная схватка*). Во второй строфе этим приемом Бунин пользуется уже два раза:

1) *Он точит меткий дротик, но тайком*: удар будет метким и точным и поразит врага наверняка, однако употребление противительного союза *но* со словом *тайком*, обладающим ярко выраженной отрицательной экспрессией,

обесценивает поступок труса с точки зрения воинской доблести – высокая месть превращается в вероломное убийство исподтишка, сзади. Это поступок, недостойный настоящего бойца. (Вспомним у Лермонтова: «*Но с торжествующим врагом // Он встретил смерть лицом к лицу, // Как в битве следует бойцу*» [3. С. 113], или у Нестора в «Повести временных лет» – киевский князь Святослав Игоревич всегда сообщал врагам: «*Иду на вы!*»).

2) *О, да, он мудр! Но сердце в нем чуть тлеет* – позитивное содержание первой части строки выхолащивается во второй части посредством употребления противительного союза *но* и нагнетанием лексем с отрицательной коннотацией – *чуть тлеет, огонек под кизяком*.

Итак, эпитет *мудр* применительно к трусу приобретает ироничное значение и помогает раскрыть смысл названия всего стихотворения. На чашах нравственности, по Бунину, безумное мужество выше мудрой трусости.

Анализ мелодики. Проведенный нами анализ мелодики стихотворения по методу С. Бурого [2. С. 43], основанному на определении звучности стихотворения и соотношении его фоники с семантикой (звук со смыслом), подтверждает полученные на других уровнях текста результаты. Как показывает график, самой высокой звучностью обладает строка 2, где говорится о высоком безумии героя, самая низкая звучность – у строки 8. В строках 3 и 4 и 6 и 8 линия графика идет вниз, что поддается логическому объяснению: в строчках первой строфы дана информация о смерти героя (*погиб, падающий метеор*); во второй строфе речь идет о готовящемся исподтишка нападении на врага (*точит дротик, но тайком*) и дано сравнение с кизяком – то есть в этих стихах дается отрицательная оценка трусу.

График мелодики стиха показывает, что восходящей интонацией, которая коррелируется с положительной характеристикой, «высокостью» поступков субъекта, отмечена строка о

безумии героя; обратная тенденция прослеживается в строке, где идет сравнение труса с кизяком.

Резюмируя анализ, необходимо отметить, что в бунинском тексте вступают в конфликт традиционные словарные значения лексем *мудрый* и *безумный* с контекстуальными значениями, рождающимися в данном стихотворении и прямо противоположными словарным: *безумный* в применении к герою приобретает положительную окраску, а *мудрый* применительно к трусу – отрицательную коннотацию. Подобный конфликт значений создает диалогичность текста, допускает двоякое прочтение: если сам текст как бы «навязывает» нам авторскую позицию, озвученную выше, то заглавие не столь однозначно и допускает двойную трактовку поступков героя и труса – как выраженную буквальными значениями эпитетов, так и контекстуальными – противоположными их традиционным значениям.

Примечания

1. Бунин И. А. Сочинения в 3-х т. Т. 1. М. : Художественная литература, 1982. 316 с.
2. Бураго С. Музыка поэтической речи. Киев : Дніпро, 1986. 43 с.
3. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 3. М. : Художественная литература, 1964-1965. 375 с.
4. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб. : Искусство, 1996.
5. Тamarченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н. Теория литературы. В 2 томах. Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика // Учебное пособие для вузов / под ред. Тamarченко Н. Д. Изд. 2-е, испр. М. : Академия, 2004.
6. Толстой Л. Н. Повести и рассказы. М. : Просвещение, 1982. 432 с.
7. Томас Манн. Новеллы. М. : ГИХЛ, 1956. 344 с.

Статья поступила в редакцию 11.02.2012 г.